

РЕЛИГИЯ И ГОТИКА.¹

Humana ante oculos oede cum vita
iaceret in terris oppressa gravi sub
religione, quae caput a coeli
regionibus ostendebat horribili
super aspectu mortalibus instans.

Lucretius

[154]

Умерли свѣтлые боги Эллады и Рима. Наступила эпоха, когда всей мыслью людской, всей жизнью и помыслами завладѣлъ другой Богъ, другая религія. Она проникла въ жилища людей, она пропитала собой ихъ разумъ и на все наложила свою властную печать. Она владѣла всѣмъ, царствовала безъ борьбы и соперниковъ. Все, что нѣкогда создавалось и росло ясно и свободно, безъ всякихъ границъ и указаній, теперь было сковано русломъ ея догматовъ. Наука и искусство превратились въ стражей религіи, а она, искаженная изувѣрствомъ монаховъ и аскетовъ, творила надъ всѣми судъ и расправу. Всякій свободный порывъ, всякое новое слово гибло подъ гнетомъ искаженнаго Христа: Галилей отказывается отъ своихъ открытій, Бруно—умираетъ на костре. Именемъ Того, Кто любилъ и радовался красотѣ цвѣтовъ, уничтожаютъ лучшія произведенія искусства. Душится все, что хотѣло итти своимъ путемъ и не считалось съ ходячей вѣрой.

То было время, когда ученый комментировалъ Писаніе Отцовъ и считалъ ангеловъ, философъ разсуждалъ о непорочномъ зачатіи, а художникъ и скульпторъ на тысячи разныхъ ладовъ иллюстрировалъ Св. Писаніе и, забывъ о мірѣ и человѣкѣ, писалъ Духа и облака, Младенца и Мать. Это было единственной темой искусства и многіе, многіе десятки лѣтъ всецѣло занимало умъ творцовъ. Все жило религіей, и, закрывъ глаза на то, что творится кругомъ,

¹ Н. Суслов, «Религия и готика», *Золотое руно*, 1906, №7-8-9, 154-5.

что наполняет жизнь человеческую, уносилось мыслью, рѣзцомъ и кистью въ тѣ сферы, гдѣ надъ всѣмъ носится Богъ и облака. Мрачный гнетъ и односторонняя культура тяготѣли надъ всѣмъ, и только великіе геніи, которые явились въ концѣ темнаго періода и дали начало новому, мирять насъ съ рядомъ бесплодныхъ вѣковъ, когда искусство и наука не только не двинулись впередъ, но и отстали отъ того, что было достигнуто предыдущими эпохами.

Христіанскія фрески этого періода кажутся дѣтской попыткой въ сравненіи съ помпейской живописью, а скульптура христіанскихъ гробницъ—большой шагъ назадъ послѣ античныхъ. Монахи и аскеты, католичество и павлианство, безумно исказили свѣтлое ученіе Христа и превратили пѣснь Добра и Надежды въ мрачный вопль отчаянія. Они прокляли землю и все то, что живетъ радостью и свѣтомъ, они поставили передъ человѣкомъ изнеможенный идеаль отреченія и насмѣшки надъ земной жизнью, они исказили Бога Свѣтлаго и Радостнаго и поставили человѣка передъ мрачной идеей карающаго, жестокаго Бога. Всей Европой, цивилизованной Европой, владѣло католичество и клало свой отпечатокъ на все, до чего касалось рукой.

Въ эти вѣка тьмы и запугиванія родилась готика, этотъ единственный и невѣроятно-цѣльный стиль, выразившій то, что проникало цѣлую эпоху и наполняло всю душу человеческую. Стремленіе вверхъ — вотъ что характерно для этого стиля. Ближе къ небу и Богу, дальше отъ земли и всего земнаго. Ввысь къ небесамъ уходятъ высокіе шпили и какъ будто тонуть въ облакахъ, гдѣ-то у подножія Престола, ввысь несутся перекрещенные купола и массивныя колонны. Высоко надъ всѣмъ земнымъ, надъ домами и человѣкомъ высятся башни соборовъ. Теперь это не чувствуется такъ, но посмотрите на старинныя гравюры городовъ Средневѣковья— надъ низкими и придавленными домиками высоко царятъ шпили церквей и соборовъ, куда ни уйдешь, какъ далеко ни уйдешь, все передъ глазами будетъ виднѣться высокое, уносящееся зданіе,

вѣчно будетъ будить мысль о Богѣ и о стремленіи къ небу.

Въ готикѣ огромное количество орнамента; казалось-бы основное впечатлѣніе должно затемняться имъ, глазъ — разбѣгаться. Но нѣтъ, въ готикѣ не вредитъ общему и обиліе рельефа и рѣзьбы; архитектура съ рѣдкимъ искусствомъ объединила ихъ — одинъ орнаментъ не убѣгаетъ отъ другого, идея всецѣло проникаетъ его, она накапливаетъ и способствуетъ общему впечатлѣнію. Готикѣ удалось создать объединенный орнаментъ, продолжающій и дополняющій одинъ другого. Ибо и здѣсь всюду царитъ Богъ и мысль о немъ. Всюду символизмъ, каждый завитокъ, число ихъ — все имѣетъ отношеніе къ религіи и къ словамъ Писанія.

Наиболѣе яркое выраженіе получила готика на Сѣверѣ; на Югѣ, въ Италіи, она не могла вылиться въ такія рѣзкія, суровыя формы — слишкомъ жизнерадостенъ былъ итальянецъ, слишкомъ много свѣта было въ краскахъ его природы, въ

[155]

этомъ голубомъ, солнечномъ небѣ, чтобъ онъ вполне подчинился мрачной идеѣ. Въ Миланскомъ соборѣ утеряна эта мысль о возвышеніи надъ землей и о полетѣ въ небо; впечатлѣніе теряется благодаря широтѣ, ширь побѣждаетъ высь, земля побѣждаетъ небо.

Нѣтъ другого стиля, который показывалъ бы такое своеобразное и доминирующее проникновеніе божественной идеей. Другіе стили были сынами другихъ воззрѣній, другихъ стремленій, готика—только дочь религіи, только ея прислужница. Для частнаго дома, для иныхъ общественныхъ зданій она не подходитъ, убивая всякое желаніе жизни, свѣта и радости; только для храмовъ, церквей и соборовъ создана она.

Ни одинъ соборъ, ни одна церковь въ другихъ стиляхъ, которые явились

позже и одновременно съ начавшимся броженіемъ ума и сомнѣнія, когда исчезла прежняя полная вѣра, когда духъ усложнился, ни одинъ стиль не производитъ такого колоссальнаго впечатлѣнія, проникнутаго единымъ религіознымъ настроеніемъ.

Вспомните соборъ Петра, гдѣ перемѣшаны всѣ стили и эпохи, гдѣ рядъ художниковъ оставилъ каждый свою идею, и въ концѣ-концовъ, несмотря на совершенство и чарующую красоту отдѣльныхъ деталей, получилась такая путаница, которую не искупаетъ ни роскошь, ни величина. Нѣтъ цѣльности, нѣтъ единства. Одинъ изъ наиболѣе красивыхъ соборовъ въ мірѣ, Флорентійскій, можетъ нравиться своей изысканной простотой и изящной архитектурностью деталей, но въ этихъ свѣтлыхъ тонахъ, въ этой прозрачной рѣзбѣ въ эфирной компанилѣ Джіотто не чувствуется уже сосредоточенной мысли о Богѣ—Онъ забытъ. Передъ вами просто чарующе-красивая, нѣжная работа художника, который думалъ только о красотѣ, а не о молитвѣ.

Всюду въ этихъ соборахъ видно, что прошло время, когда человѣкъ всю свою жизнь наполнялъ тягостнымъ предчувствіемъ Божеской кары, когда мрачная мысль царила надъ каждымъ его движеніемъ, не переставая пылалъ костеръ и неслись вопли пытаемыхъ. Идея Бога-Карателя начала исчезать. Если же время полного захвата человѣка христіанской религіи, сосредоточеніе всего на ней, и только на ней, дало намъ свое выраженіе въ искусствѣ, то это совершилось именно въ готикѣ и здѣсь передало свой страхъ и свое преклоненіе.

Теперь мы можемъ понимать, мы можемъ чувствовать это, но мы уходимъ отъ этого все дальше и дальше. Готика интересна, какъ самый цѣльный изъ стилей, какъ страница исторіи, но современный духъ она не удовлетворяетъ. Духъ нашего времени, духъ сложности и переплетенія, несроденъ ей и ищетъ другихъ путей, чтобы передать богатство и изгибы души.

Онъ ищетъ свѣта и новыхъ красокъ, линій, столь же измѣнчивыхъ, какъ онъ
самъ. Мы ждемъ ихъ отъ будущаго.

Николай Сусловъ.

Рождествено. 21.VI. 19 05